

UDC 94(57)"16/18"

Community Organization of Siberian Coachmen in Late XVI – XVII Centuries

Oleg V. Semenov

Ural Federal University Russia's first President Boris Yeltsin, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: helg2008@list.ru

Abstract. The article, basing on the wide range of archival data, mostly introduced into scientific use for the first time, studies communal (secular and church) organization of Siberian coachmen in late XVI – XVII centuries. The paper touches upon the issue, concerning the time of its establishment, thoroughly characterizes the structure, functions and officials. The features of interrelation between coachmen 'world' and state and other corporate communities of the region are showed. The conclusion that, despite the dependence on the authorities, the processes of bureaucratization and the growth of the villeinage trends, common for the country, coachmen played significant role in the social life of Siberia is made. They intensively protected their interests and forced the government to consider them.

Keywords: mail staging post; coachmen's driving; coachman; community; parish; starosta; foremen; voivode; Siberia.

Введение. Поход казаков под руководством Ермака Тимофеевича положил начало включению в состав Московского государства Сибири. На «неизведанные земли» хлынул поток переселенцев. В большинстве это были выходцы из черносошного Поморья, которые приносили с собой развитые традиции самоуправления [1]. Основными корпоративными сообществами края стали «миры» крестьян, служилых и посадских людей. Они оформились уже у первого поколения переселенцев. Существовали общины и узкопрофессионального характера. К ним можно отнести ямщиков. Несмотря на то, что последние играли важную роль в жизни «закаменных» территорий, их мирская организация не изучена до сих пор. Настоящая статья отчасти восполняет данный пробел.

Материалы и методы. Использованы методы локальной истории и истории повседневности. Работа опирается на широкий круг источников, содержащихся в архивах Москвы (РГАДА) и Санкт-Петербурга (Архив СПб ИИ РАН, СПФА РАН). Большинство из них впервые вводится в научный оборот.

Обсуждение. Система ямской гоньбы за пределами Уральского хребта оформилась по воле правительства, нуждавшегося в установлении качественной связи с далекой окраиной. С конца XVI в. на главной транспортной артерии региона последовательно возникают Верхотурский (1600 г.), Туринский (1600 г.), Тюменский (1601 г.), Демьянский и Самаровский ямы (конец 1620-х – начало 1630-х гг.). Их основание происходило по общей схеме. Центральными или местными властями назначался «приборщик» (обычно из детей боярских), который в уездах европейской России или (и) на месте набирал «охочих людей». Добровольцам предоставлялась денежная «подмога» с «крепкой порукой», бесплатные подводы до места назначения и лошади с «гонемым припасом». Их также могли снабжать провиантом и семенами. По прибытии на место ямщики поступали в распоряжение назначенного воеводой «стройщика», который занимался их расселением [2].

Каждый сибирский ям состоял из 50 вытей (паев, жеребьев) – служебных и хозяйственных единиц. В обязанность ямщиков входила фактически круглогодичная транспортировка казенной документации, грузов и следовавших по государственным нуждам людей. Для этого они держали лошадей с «гонемой ружлядь» (санями, телегами, седлами и т.д.), а для передвижения по воде – суда «с веслы и з бечевами и со всякою судовою снастью». На Демьянском и Самаровском ямах зимой использовались также нарты с собаками. Гоньба осуществлялась по нескольким направлениям. Со временем, ввиду дальнейшего освоения Сибири, их количество, а также интенсивность перевозок возрастали.

Ямщики составляли особую группу населения, занимавшую промежуточное положение между тяглецами и приборными служилыми людьми. С одной стороны, они находились на государственной службе, за которую получали жалованье и наделялись определенными льготами. С другой, почти сразу же (за исключением самаровцев) были лишены окладов хлебного обеспечения и переведены «на пашню» [3]. В свободное от гоньбы время ямщики занимались земледелием, животноводством, промыслами и торговлей, сыграв заметную роль в деле хозяйственного освоения Сибири. Их привлекали к несению многочисленных повинностей и платежу общегосударственных налогов. Соборное Уложение 1649 г. устанавливало штраф за «бесчестье» ямщика в том же размере, что и за посадского человека «меньшей статьи» – 5 рублей [4].

Население каждого сибирского яма составляло общину. Это нашло отражение в терминологии источников. К примеру, в одной из челобитных конца 1688 г. верхотурские ямщики подчеркивали, что «вместо беглых... гонбу оганивают миром» [5]. При необходимости собирался сход, на котором

обсуждались важнейшие вопросы местной жизни. Решения принимались большинством голосов. Здесь же избирались должностные лица, размещавшиеся в «ямской (земской, мирской) избе» [6]. Выборы вне схода считались нелегитимными [7]. Органы самоуправления возглавлял староста. Его ближайшими помощниками были десятники (до 5-ти человек на ям). Эти должностные лица представляли слободу перед внешним миром (могли подать коллективную челобитную), контролировали очередность отправления ямщиками гоньбы [8], отпускали подводы [9], взымали с проезжавших лиц прогонные деньги [10], взвешивали провозимую путниками кладь [11], судили население яма по мелким правонарушениям, принимали участие в процедуре выдачи «охотникам» жалованья [12], боролись с их бегством [13], заботились о пополнении опустевших паев [14], следили за исправным несением общинниками государственных и мирских повинностей [15], вели загонные книги и т.д.

Ямской староста и десятники регулярно переизбирались. Обычно (хотя и не всегда) срок их службы составлял 1 год. При смене они отчитывались перед «миром». По-видимому, в порядке замещения общинных должностей существовала очередность [16]. Неясно, предоставлялись ли старостам и десятникам какие-то льготы [17]. Согласно устоявшемуся мнению, мирские посты занимали лица зажиточные, поскольку их функционирование было сопряжено с тяготами и материальной ответственностью. В современных работах, посвященных истории черносошного крестьянства, отмечается, что данное правило соблюдалось не всегда [18]. Это подтверждают материалы, относящиеся к ямщикам. Так, отправлявший в 1622/23 г. обязанности туринского ямского старосты Б. Терентьев, в 1623/24 г. владел 1 четью «доброй» пашни, 1 четью перелога «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 40 копен [19]. Должностные лица общины не всегда пользовались авторитетом среди рядовых собратьев. В октябре 1690 г. верхотурский ямщик И. Шестоперов публично оскорблял и бил «по щекам» в «земской избе» старосту В. Чиреншикова [20]. В свою очередь, широкий круг дел создавал благодатную почву для злоупотреблений. В конце XVII в. под сыск угодил бывший ямской староста П. Паламошный. Он обвинялся в том, что в 1697/98 г. два дня «держал за подводами» следовавших через Верхотурье в Москву тюменского городничего И. Голенецкого «с товарыщи». Необходимые средства передвижения староста предоставил лишь после получения взятки (в размере 26 алтын 4 денги) [21].

Текущее делопроизводство «мира» находилось в руках «ямского писчего дьячка». Он утверждался сходом и содержался на средства общины. Значение дьячка усиливалось благодаря тому обстоятельству, что староста и десятники могли быть неграмотными [22]. Помимо несения непосредственных обязанностей, он подрабатывал на стороне, составляя акты частного характера. На ямах в европейской части России действовали также дворники. Они содержали постоялый двор, в котором размещались ожидавшие подвод путники. К сожалению, в Сибири следов этих должностных лиц нам пока обнаружить не удалось.

Важную роль в жизни традиционного общества играла религия. С целью удовлетворения духовных потребностей и коллективного культового общения православное население страны объединялось в приходы – низшие церковно-административные единицы, представлявшие собой окормлявшиеся в одной церкви (часовне) общины верующих. «За Камнем» конфессиональные «миры» типологически были близки к поморским и на протяжении XVII в. сохраняли широкую автономию. У демьянских и самаровских ямщиков по центру и территории они совпадали со светскими общинами. Что касается религиозных сообществ жителей остальных сибирских ямов, то, скорее всего, они носили смешанный характер, включая в себя представителей разных социальных групп [23].

Как правило, приход оформлялся по инициативе населения, которое обращалось к епархиальным властям с просьбой о возведении храма или часовни [24]. Нередко культовый объект сооружался на средства мирян. Порою по их челобитной необходимую сумму (или ее часть) выделяло государство. После завершения строительных работ верующим выдавалось разрешение на освящение здания и начало богослужений.

Высшим распорядительным органом религиозной общины являлся приходской сход [25]. На нем утверждались священно- и церковнослужители, с которыми заключался устный или письменный договор [26]. Если его условия не выполнялись, прихожане смещали неудобное духовенство. Клир получал жалованье. В одних случаях его выдавали миряне, в других, по просьбам населения, денежная и натуральная руга предоставлялась государством. Это, несомненно, ослабляло зависимость причта от паствы [27].

Церковь играла значительную роль не только в религиозной жизни. В приходском храме верующие целовали крест на верность новому монарху [28]. Здесь же будущих ямщиков приводили к присяге, зачитывали касавшиеся всего «мира» объявления, обсуждали челобитные, хранили документы [29] и казну [30]. В церковной трапезной нередко собирались сходы светской общины, решались вопросы суда и управления, устраивались коллективные пиры (братчины или кануны) и т.д. Сфера деятельности священников не ограничивалась контролем над нравственным состоянием паствы. Как лица грамотные и авторитетные (к сожалению, не всегда), они вместе с другими членами причта принимали живейшее участие в решении далеких от религии задач. Например, вскоре после основания Демьянского и Самаровского ямов власти поставили вопрос о прекращении выплаты

ямщикам натурального жалованья и переводе их на службу «с пашни». Осенью 1642 г. из Тобольска в низовья Иртыша выехали дозорщики, которым на месте предписывалось «взять... попов и старост, и ямских охотников лутчих людей, и ясачных остяков», и вместе с ними «досмотреть и измерить» земли под пашни и сенокосы [31]. По крестьянским слободам Сибири известно, что священники и мирские старосты управляли населенным пунктом вместо отлучившегося приказчика. Также они разбирали конфликтные ситуации среди прихожан (причем, не только делам по духовным), подписывали мирские челобитные, «выборы» и т.д. [32]. Что касается церковных дьячков, то они последовательно или одновременно могли быть писцами светской общины [33].

Во главе конфессиональной общины стоял церковный (приходской) староста. Он выбирался сходом на определенный срок из числа «добрых и прожиточных» прихожан [34]. Староста отстаивал интересы религиозного «мира» перед местным клиром и церковными властями. Под его руководством содержался и ремонтировался храм. Он же заведовал и распоряжался приходской казной [35] и хозяйством, следил за укомплектованностью церкви кадрами духовенства. Большое внимание старосты уделяли тому, чтобы храм был обеспечен «потребями», за которыми ямщикам регулярно приходилось ездить в европейскую Россию [36].

Должностные лица светской и религиозной общин тесно взаимодействовали между собой [37]. В конце 1693 г. туринские ямщики во главе с церковным старостой Ф. Чичкановым и ямским старостой Н. Кизыловым подали челобитную с просьбой о помощи в восстановлении сгоревшей Троицкой церкви и обеспечении ее необходимой утварью [38]. Нередко церковные старосты привлекались к делам, выходящим за рамки собственно приходской жизни. Так, в 1690 г. самаровские ямщики жаловались на чинимые проезжими лицами злоупотребления. К их челобитной «вместо» ямского старосты Д. Логинова, десятников и рядовых ямщиков «по их велению староста церковной Максимко Михайлов руку приложил» [39].

Община оставалась одним из наиболее устойчивых социальных институтов эпохи Средневековья и Нового времени. Она регулировала социально-экономическую, общественно-бытовую, семейную и религиозную жизнь значительной части общества. В ее существовании было заинтересовано не только население, но и государство: «мир» поддерживал правопорядок, гарантировал поступление налогов и выполнение своими членами повинностей. На протяжении XVII в. в масштабах всей страны происходила неуклонная трансформация системы самоуправления в низовое звено бюрократического аппарата. Эта тенденция проявлялась во все более бесцеремонном нарушении государством мирской автономии [40] и наделении должностных лиц общины новыми казенными полномочиями [41]. Дуализм общинной организации в полной мере проявлялся и у ямщиков. Он усиливался благодаря тому обстоятельству, что ямской «мир» был образованием искусственным, созданным по воле властей. При необходимости последние могли поставить точку в его существовании: так было с общиной тюменских ямщиков в ходе ликвидации в 1623 г. Тюменского яма [42]. Система связи «за Камнем» с самого начала была поставлена под пристальный контроль со стороны местной администрации [43]. Именно воеводы отвечали за исправное функционирование ямов, заботились об их пополнении, поддерживали действующие и искали новые пути сообщения, являлись для ямщиков более высокой судебной инстанцией, защищали их от притеснений сторонних лиц, контролировали процесс ведения мирской документации и т.д. На удаленных от Тобольска Демьянском и Самаровском ямах (которому оба населенных пункта подчинялись) действовали ямские приказчики. Располагая широкими полномочиями, они напоминали «воевод в миниатюре» [44]. Вмешательству государства в дела «земли» способствовало само же население, неизменно обращавшиеся к властям за помощью и посредничеством в решении различных (в том числе внутриобщинных) вопросов. В ряде случаев отдельные ямщики, радея о личных выгодах, выступали против решений «мира» и заручались поддержкой администрации [45]. Эволюция общинной организации приводила к отчужденности должностных лиц органов самоуправления. Видимым проявлением этого стал рост числа их злоупотреблений по отношению к остальным членам общины. Например, в 1688/89 г. староста К. Шелепов ложно оформил кабалу в размере 3-х рублей за «неотпускную» «усольскую» подводку на верхотурских ямщиков Переваловых [46]. В противоправных действиях мирского руководства все чаще оказывалась замешанной фигура воеводы. В начале 1673 г. следовавший из Тобольска в Москву патриарший подьячий С. Семенов не смог получить на Туринском яме подводку. После месяца ожидания (от которого он «обдолжал большими долгами и вконец разорился») часть средств передвижения ему все-таки предоставили. При этом две лодки оказались «худые», из-за чего подьячий имущество «перемочил». По всей видимости, причиной подобных злоключений был сговор ямского старосты В. Осколкова с воеводой И.В. Суздальцевым, сводившим с Семеновым счеты [47].

Впрочем, несмотря на зависимость от администрации, ямские «миры» принимали активное участие в социальной жизни Сибири. Пользуясь правом непосредственного обращения к верховной власти (правом челобитья), они отстаивали свои интересы в отношениях с другими корпоративными сообществами и государством. Москва, в силу бытовавших на «восточной уkraine» условий, прислушивалась к голосу «земли» [48]. При необходимости сибиряки выказывали редкостную сплоченность. В октябре 1686 г. в столицу была доставлена «заручная челобитная» «туринских всяких чинов людей» (ямщиков, служилых, посадских, пашенных и оброчных крестьян) с просьбой

«впредь в Туринску не быть» детям боярским И. и Ф. Шарыгиным. «Градские жители» обвиняли братьев в многочисленных «обидах, налогах и утеснениях», от которых «многие» из них «разорились до конца». В частности, Шарыгины избивали людей, отбирали у них лошадей и сенокосы, незаконно производили и продавали вино. В последующем им инкриминировали порчу воеводы И.И. Дурново, от которой тот скончался. Был проведен сыск. По его итогам руководство Сибирского приказа приняло решение: Шарыгиных следовало бить кнутом и вместе с семьями выслать «на вечное житье» в Красноярск [49]. Оказывали ямщики влияние и на систему местного управления. В 1686 г. в результате коллективного обращения населения Туринска и уезда (ямщиков, духовенства, служилых и посадских людей, крестьян, «ясачных татар») правительство продлило срок службы воеводы М.И. Алфимова, который управлял «вправду» и «обид» не чинил [50]. В начале 1690-х гг. туринские ямской, посадский и крестьянский «миры» добились смещения ненавистного воеводы Б.А. Челищева [51].

Если мирные средства не помогали, то ямщики прибегали к радикальным формам протеста. В 1673 г. верхотурский ямской «мир» отказался выполнять требование воеводской администрации об отправке в Чусовскую слободу кормщиков и гребцов, необходимых для обслуживания экспедиции Я.Т. Хитрово по поиску серебряной руды. Свою позицию ямщики объясняли тем, что «преже сего» они по Чусовой и Каме не гоняли и соответствующих предписаний из Москвы не получали. Одновременно община подчеркивала заботу о государственных интересах: в условиях интенсивной гоньбы и неполной укомплектованности яма, отправка на столь отдаленное расстояние и неопределенный срок значительного числа ее членов могла ухудшить общее качество перевозок. Встретив организованное сопротивление, воевода Ф.Г. Хрущев «с товарищи» ограничились арестом трех «лутчих» ямщиков и обратились за распоряжениями в Сибирский приказ [52].

Заключение. Таким образом, в конце XVI – XVII вв. жизнь и деятельность сибирских ямщиков опиралась на развитую систему самоуправления. Несмотря на выраженный дуализм и зависимость от местной администрации, ямские «миры» ревностно оберегали свои интересы и зачастую действовали вполне самостоятельно как в отношениях с остальным населением края, так и с государством. При этом власти пока еще вынуждены были с ними считаться.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ».

Примечания:

1. В Сибири укоренилось немало поморских традиций не только благодаря тому, что большинство переселенцев происходило с Русского Севера, но также вследствие близости социально-экономического строя двух регионов (господство системы государственного феодализма).

2. Подробнее об основании сибирских ямов см.: Семенов О.В. Верхотурский ям в конце XVI – XVII вв.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 15 – 18; Он же. История Демьянского яма в XVII в.: возникновение и первые годы существования // Известия Уральского государственного университета: Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2009. № 3(65). С. 152–156; Он же. Из истории первых лет существования Самаровского яма // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24 – 25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 443–446; Он же. Система регулярного сообщения на территории Тюменского уезда в первой четверти XVII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2010. Вып. 11. С. 75 – 77; Он же. Демьянские против самаровских // Родина: российский исторический журнал. 2012. № 7. С. 88.

3. За верхотурскими, туринскими, тюменскими и демьянскими ямщиками сохранили лишь денежное жалованье.

4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 370. Л. 40; Соборное уложение 1649 года (Текст. Комментарии). Л., 1987. С. 37.

5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071/1. Л. 47.

6. Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 170. Л. 7 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1130. Л. 336, 336 об.; Оп. 3. Стб. 1260. Л. 291; Стб. 1409. Л. 15, 102; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 78, 82; Оп. 2. Стб. 370. Л. 39; Стб. 531. Л. 46; Стб. 611. Л. 87, 89.

7. Проживавшие в конце 1669 г. на Тагиле верхотурские ямщики Т. Перевалов «с товарищи» говорили о невозможности выбрать из своей среды десятника «без совету» со старостой и остальными членами общины (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 8).

8. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 2–3.

9. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 560. Л. 417, 418–419; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 272. Л. 49.

10. «За Камнем» прогоны были введены в конце 1680-х гг. (Семенов О.В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции, 17 – 18 июня 2013 г. Екатеринбург, 2013. С. 200–207).

11. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 531. Л. 46 – 47, 65; Стб. 611. Л. 87.

12. В одних случаях староста и десятники лишь контролировали процесс предоставления ямщикам воеводой или ямским приказчиком жалованья, в других – самостоятельно раздавали его «всем налицо» в ямской избе (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 355 – 356, 480; Стб. 1260. Л. 291; Стб. 1409. Л. 14, 15, 102; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 542. Л. 86–87).
13. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 28. Оп. 1. Стб. 976. Л. 1; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 348. Л. 179, 180, 181, 182; Стб. 983. Л. 340; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127. Л. 370.
14. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 97. Л. 104, 105–106; Стб. 167. Л. 287–289.
15. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 1172. Л. 6.
16. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 8
17. По наблюдениям М.М. Богословского, в XVII в. в Поморье «миры» платили старостам найм (Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 314).
18. Борисов В.Е. Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 118, 123 – 124.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 561, 584 об.
20. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 370. Л. 39.
21. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 531. Л. 44, 45, 46–47, 48–50, 51, 64–65, 67; Стб. 611. Л. 86–88, 89–90.
22. Неграмотность должностных лиц общины приводила к пагубным последствиям. Осенью 1642 г. тобольский письменный голова С.У. Баскаков осуществлял поиск земель под пашни и сенокосы для жителей Самаровского яма. Находившимся с ним ямскому старосте С.Т. Ершу «с товарищи» содержание составленного при этом дозорного списка осталось неизвестным, поскольку они читать не умели. Тем не менее, мирские представители разрешили приложить к документу «в свое место руки». Вскоре выяснилось, что отведенные Баскаковым земли для использования не годились (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 40–41, 43–46, 64–66, 85).
23. Основная причина этого заключалась в особенностях расселения ямщиков. Демьянский и Самаровский ямы располагались обособленно, на значительном удалении от других русских населенных пунктов. Их ближайшими соседями были ясачные инородцы. Верхотурский, Туринский и Тюменский ямы находились при городах, причем, местные ямщики активно заселяли посад и уезд. В свою очередь, представители иных социальных групп обзаводились дворами в ямских слободах.
24. На Демьянском и Самаровском ямах культовые сооружения возникли если не сразу, то уже вскоре после основания этих поселений. Демьянцы «поставили» церковь Николая Чудотворца с приделом Алексея человека Божия. Самаровские ямщики какое-то время довольствовались часовней. К началу 1640-х гг. они возвели Никольскую церковь, которая в дальнейшем превратилась в придел храма Покрова Богородицы (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 389. Л. 119; Кн. 640. Л. 3; Оп. 3. Стб. 448. Л. 6, 15 об.; Стб. 689. Л. 56; Стб. 990. Л. 175, 178; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607; Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 69).
25. На Демьянском и Самаровском ямах приходской сход совпадал со сходом светской общины, с той лишь разницей, что председательствовал на нем не ямской староста, а церковный.
26. Приходская церковь считалась укомплектованной, если ее обслуживали священник, дьякон (или дьячок) и пономарь.
27. До конца XVII в. священно- и церковнослужителям Самаровского яма выплачивалась казенная руга. Вероятно, это объяснялось неблагоприятными природно-климатическими условиями в Обь-Иртышском междуречье (препятствовавшими развитию хлебопашества), а также непростым положением ямщиков, которые были не в состоянии содержать клир. На государственном обеспечении поначалу находился и штат Никольской церкви Демьянского яма. Однако уже в 1683 г. он «кормился» «от мирских людей ругою». В дальнейшем, ввиду тяжелого положения ямщиков, причт вновь перевели на казенное жалованье (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 389. Л. 119; Кн. 640. Л. 3, 5 об., 10; Оп. 3. Стб. 990. Л. 172–174, 175, 177, 178, 179, 180; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607, 1637).
28. В марте 1676 г. в церквях своих ямов демьянцы и самаровцы присягали царю Федору Алексеевичу (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 355, 364–365 об.).
29. Община бережно хранила документы. Во второй половине 1680-х гг. находившиеся в Москве верхотурские ямщики жаловались на злоупотребления выдельщиков. При этом они предъявили список «з государевы грамоты» 1641/42 г., которая запрещала взимать натуральный оброк с их окладных пашен. Интересно, что попытки обнаружить документ (вероятно, его черновик) в Сибирском приказе, успехом не увенчались (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071/3. Л. 101).
30. Мирской казной заведовали староста и десятники. Она пополнялась посредством внутриобщинных сборов и займов на стороне.
31. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 7 – 8.
32. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 15 об.
33. В конце 1670-х – начале 1680-х гг. церковным дьячком на Самаровском яме служил В.Ф. Арефьев. В источниках последующего времени он упоминается как ямской дьячок.
34. На Русском Севере срок службы церковного старосты мог достигать нескольких лет. По наблюдению Н.Д. Зольниковой, в XVIII в. аналогичная ситуация наблюдалась в Сибири

(Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 42; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 101, 102).

35. Приходская казна считалась не только собственностью церковной организации, но также являлась страховым, запасным фондом «мира»: при необходимости церковный староста предоставлял займы светской общине необходимую сумму (Покровский Н.Н. Томск 1648 – 1649 гг. Воеводская власть и земские миры // Покровский Н.Н. Российская власть и общество: XVII – XVIII вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 103, 139).

36. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 957. Л. 138 – 139 об., 503 – 503 об., 504 – 504 об.; Кн. 1130. Л. 273 об.; Оп. 3. Стб. 689. Л. 56; Стб. 712. Л. 150; Стб. 897. Л. 255; Стб. 953. Л. 59 – 59 об.; Стб. 1021. Л. 38, 83.

37. В Поморье и на Северо-западе России должности старост церковной и светской общин иногда совмещались в одном лице (Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. С. 43; Тимошенкова З.А. Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-западе России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Средневековая и Новая Россия: сборник научных статей. СПб., 1996. С. 477).

38. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1260. Л. 3, 7.

39. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 181.

40. Подавление мирской автономии происходило как в результате целенаправленной политики властей, так и вследствие их злоупотреблений.

41. См.: Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 224–255.

42. Семенов О.В. «От ямской гоньбы велено отставить» // Родина: российский исторический журнал. 2010. № 10. С. 74 – 75.

43. Зависимость сибирских ямщиков от местных властей усиливало то, что, в отличие от многих своих собратьев по европейской части страны, они не имели уставных грамот, предоставлявших широкие судебные-административные и податные привилегии.

44. Подробнее о ямских приказчиках см.: Семенов О.В. Ямские приказчики в Западной Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2011. № 1. С. 7–10.

45. Семенов О.В. Отношение сибирских ямщиков к деятельности воеводы Ю.Я. Сулешева // Проблемы истории России. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. Екатеринбург, 2013. С. 190–191.

46. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 80–89.

47. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 7. Л. 6, 7, 10–11.

48. Тезис об абсолютном подчинении в XVII в. мирских организаций Сибири государству убедительно опровергли В.А. Александров и Н.Н. Покровский (Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991. С. 141).

49. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 111 – 114, 118, 130, 147 – 148, 153.

50. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 936. Л. 277 – 278.

51. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 389. Л. 45 – 46, 49 – 50.

52. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее – СПФА РАН). Ф. 21. Оп. 4. Кн. 3. Л. 229 об. – 231 об., 235 об. – 236 об.